

ВОЛЬДЕМАР СОБАКИН

АПОКАЛИПТО

ГЭ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Вольдемар Собакин
АПОКАЛИПТО ГЭ

«Издательские решения»

Собакин В.

АПОКАЛИПТО ГЭ / В. Собакин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906082-2

Вы задумывались, почему кандидаты во власть не скупятся на обещания, но став её частью — тут же обо всём забывают, словно попадают в другое измерение? Мировое правительство, масоны, теория заговора... на самом деле — всё гораздо проще, и разведение человечества мало чем отличается от выращивания свиней. Остро-социальный политический китч, рассказанный устами представителя низших слоёв российского общества, случайно оказавшегося в закулисы власти.

ISBN 978-5-44-906082-2

© Собакин В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

АПОКАЛИПТО ГЭ

Вольдемар Собакин

Последнему поколению СССР посвящается.

© Вольдемар Собакин, 2018

ISBN 978-5-4490-6082-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Мы нашли его на дороге. Ева от неожиданности схватила моё запястье, отчего я, водитель с трёхмесячным стажем, дёрнул руль. Видимо, Провидение решило удержать меня от сквернословия, подобно дверцу новенького «рено» цвета Евиного маникюра от близости с торчащим из зарослей бревном.

Если говорить о физической близости, то между мной и Евой её не было. Пятнадцать лет свели некогда безумствующую страсть к бесполому родственному постоянству. Залог его прочности опоясывал наши пальцы обручальными кольцами, а наши шеи – ипотекой и автокредитом. Тем более, Еву недавно сократили, и она уже вкусила прелести статуса содержанки, а это скрепляет брак не хуже тайны совместного убийства.

Конечно, Ева никого не убивала, и я тоже, но на всякий случай, из-под водительского сиденья промасленной ручкой весомой стабильности торчал молоток. Бейсбольную битую я недолюбиваю; при примерно одинаковой убойной силе, хороший молоток всегда заткнёт её за пояс и компактностью, и ценой. Что-что, а уж молотки и женщин я всегда выбирал «что надо»! К тому же, мне, как равнодушному к спорту человеку, спорт пиндосский был ещё и противен; превратить свою водительскую жизнь в ходячую рекламу вражеской культуры для меня, как патриота, – абсолютно неприемлемо!

Домашние тапочки на ногах лежащего на дороге человека, кичились своею непатриотичностью. Верхняя их часть, расшитая в цвета американского флага, оскорбляющим красно-белым плевком рдела на невзрачном холсте русской действительности. Привычная славянскому глазу родная безрадостно – бурая палитра просеки подмосковного соснового бора казалась поруганной иноземной нахрапистой пестротой.

Объехать лежащего я бы не смог, проехать же по нему останавливало врождённое чувство такта. Заглушив двигатель, я вышел из машины. Воздух заполнил лёгкие свежестью майской хвои и непредсказуемостью. Зажатый в ладони молоток придал уверенности моим шагам, а мотивация «быть мужчиной» в глазах супруги плеснула в кровь безрассудной отваги.

Человек не подавал признаков жизни. Волосатые пухлые ноги с бледной кожей между прожилками вен коленями уходили под плотный плащ выцветшего беличьего цвета. Руки, по-покойнически сложенные на груди, торчали из рукавов едва видимыми фалангами холёных сосискообразных пальцев. Плащ, размера на четыре больше необходимого, поднятым воротом скрывал шею и часть подбородка. Чёрная фетровая шляпа, фасона советской партноменклатуры, положенная сверху, прятала лицо. Осторожно приблизившись, я мыском туфли опрокинул шляпу на землю.

Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами! Я инстинктивно отскочил в сторону и рука, сжимающая молоток, произвольно взмыла вверх. Сфинктер моего внутреннего «настоящего мужчины» интуитивно сжался. В ноздри ударил резкий запах собственных вспотевших подмышек, извергнувших, как мне показалось, сразу суточную дозу пота. Лежащий человек не шелохнулся, но на его лице появилась робкая улыбка. Похоже, я испугал его не меньше.

– Где я? – голосом мультяшного Весельчака У боязливо произнёс он.

Его круглое добродушное лицо, в сочетании с этим высоким, жеманным, не достойным натурала голосом, вмиг сделали их обладателя безобидным и даже жалким. На мгновение, мой разум перенёсся в детство – перед глазами всплыло лицо Капитана Зелёного, и я поспешил опустить руку, стыдливо спрятав молоток за собой. Демилитаризированное тело расслабилось, и я указал вперёд по направлению дороги:

– Километрах в трёх Софренково, а там, – указав в противоположную сторону, – шоссе. Но до него километров пять.

Мужчина тем временем поднялся на ноги. Я сконфуженно улыбнулся, стесняясь своей природной ссыкливости – двухметровый детина, центнер живого веса, с молотком в руке, и против кого? Пухлый мужчинка лет пятидесяти пяти ростом чуть выше полутора метров стоял напротив, растеряно озираясь по сторонам. Он напоминал Громозеку, только что вышедшего из сортира, в котором не оказалось бумаги; только без растительности на лице и нелепом одеянии. Пожалуй, под плащом на нём ничего не было.

Подошла Ева и поздоровалась с мужчиной. Тот мило улыбнулся и кивнул в ответ. Едва заметная улыбка промелькнула на её лице; не ошибусь, если предположу, что она подумала – «вот ведь, эксгибиционист, хуев!» Признаться, об этом в первый момент подумал и я, но мужская логика против женской отличается умом и сообразительностью, к тому же не такая прямолинейная. Я сразу смекнул – «этот чел, хоть и странный, но точно не извращенец! Точнее, может он и извращенец, но определённо не эксгибиционист. Ареал обитания эксгибиционистов – городские парки, но никак не леса, где в радиусе десяти километров своими причинами можно пугнуть разве что одинокую зайчиху или, если повезёт, лосиху. Но извращенец, при этом, должен отличаться изрядной везучестью класса *enfant gate* (баловень судьбы – фр.) как минимум!»

Толстяк, стряхнув с плаща прилипшие иголки, задумчиво уставился на стоящего в нескольких метрах француза российской сборки и многозначительно промычал:

– Что-то пошло не так!

«Если тебя, – хотел было сказать я, – в домашних тапочках и плаще на голое тело, находит случайный водитель на безлюдной лесной дороге, в семь тридцать утра субботы – естественно что-то точно пошло не так!»

Вместо этого, совесть, пинаемая снизу остатками неловкости за поднятый на безобидного чудака молоток, вывалилась из меня предложением подвезти до Софренково. Толстяк согласился и Ева с недовольным видом перебралась на заднее сиденье.

– Разрешите представиться, – нарушил неловкое молчание, уже перерастающее в напряжение, пассажир. – Пан Уи. Грибадир шестой Декады. Уровень «К».

Я еле сдержался, чтобы не заржать! Хорошо, что этого не слышала Ева, которая по обыкновению, садясь в машину, затыкает уши плеером.

– Дон Ган. Дегустатор фотомоделей третьей гильдии. – решил подыграть я. – Почётный хэйтер Серпуховско-Тимирязевской линии. Заслуженный Магистр Антихайпа.

– Несказанно рад! – весельчак, без тени смущения воспринял мои слова.

«Да, ты, чёрт возьми, прав, – подумал я, – у тебя действительно что-то не так, и похоже на всю голову!» Я тут же прикинул – чей номер мне набрать как доедем, – местного участкового, или соседа по московской квартире, бывшего работника здравоохранения (он, правда, заслуженный ветеринар, но всё ближе к психиатрии, чем я). Не определившись с выбором и, оставив принятие решения на потом, я сосредоточился на дороге; Впереди замаячили залитые коричневой жижей рытвины и ухабы.

Через двадцать минут, в липучих объятиях глинозёмистого дерьма Отчизны, «дастер» замер во дворе нашей дачи. Когда-то, этот дом построили шурин с тестем; один вкачивал бабки, другой рулил бригадой зодчих таджиков.

Долговязый шурин с крючкообразным носом и очками с толстыми, как слой целлюлита на бёдрах мексиканки линзами, в безденежные девяностые забил на НИИ и подался из аспирантуры в предприниматели. Три его точки оказания интимных услуг, в своё время, считались лучшими в Химках. Бизнес пёр, оседавая доходной частью в строительство будущего родового гнезда, в котором иуда от науки планировал загнездиться всем огромным дружным гипотети-

ческим семейством. Разумеется, родня (исключая тестя, который знал правду) полагала, что место работы шурина – научно-исследовательский институт, а их родственник – перспективный молодой учёный. Сам он, на вопрос «откуда бабки» заводил песню про иностранных партнёров и свои новейшие разработки в области электромагнитных герконов. Никому и в голову не приходило поинтересоваться – что нового в герконах можно изобретать вообще, и пять лет подряд в частности?! Но ему верили все, включая меня, пока однажды мне не довелось подслушать его телефонные разногласия с крышующими его ментами. Шурина был старше меня лет на десять, а потому слова парня, только что перешагнувшего за двадцатник, он пропускал мимо ушей. А зря.

Был в моей жизни дядя Гена, в вечном подпитии обитающий на лавке возле подъезда. Тогда, четырнадцатилетним пацаном, я подбрасывал ему мелочёвку, за что выжатый жизнью пенсионер делился со мной практической наукой суровой взрослой жизни. Делал он это без соплей и сглаженных афоризмов, вываливая своё искалеченное судьбой нутро в неприглядном, но отрезвляющем реализмом виде. В его однушке на первом этаже, пропахшей нищетой и невымытыми телами уличных философов, я познавал тайные закоулки лабиринтов окружающего бытия. Здесь всегда находились ответы на терзающие психику подростка вопросы. Не удивительно, что дядя Гена являлся для меня в то время непререкаемым авторитетом; у него были добрые глаза и четыре ходки.

– Люди, малой, – размеренно говорил дядя Гена, сибаритски разбавляя настойку боярышника газировкой, – делятся на два вида: чепушил и мажоров. Первые имеют все, при этом каждый чепушила мечтает стать мажором. Так вот запомни, между этими антиподами социума есть два переходных состояния: фраер и правильный пацан. Фраер уже не чепушила, но ещё не пацан, ибо догматизм для фраера понятие обтекаемое и скорее условное, переступить через непреложную истину которого, при удобном случае, фраер не считает за западло. И в том его ахилесова пята! Правильный же пацан живёт по понятиям, в рамках перспектив реальных раскладов, чья внутренний моральный кодекс в базисе ровного мировоззрения – не беспредельничает по дурости, не быкует по-порожняку и не ссучивается за навар! Достигнув статуса и достатка, правильный пацан, зачастую, превращается в мажора, утрачивая фундаментальные мифологемы правильности. Главное для мажора – блюсти парадигму преемственности, ибо неизжитый вовремя фраер в ментальном конденсате мажорства, неотвратимо приводит последнего к гибели!»

Тогда, я понимал далеко не всё, что пытался донести до меня дядя Гена, однако, с годами, смысл его слов являлся в наглядных формах чредой моих личных жизненных казусов. Именно благодаря пахнувшей перегаром правде дяди Гены, моё пытлиное отрочество перешло в величавую юность без надрывов и изломов; В дальнейшем я осознанно нёс свой внутренний статус пацана относительно ровно, без протитутующей робости перед изломами жизненного пути. О дяде Гене и протитутках я могу говорить бесконечно: о первом как о своей безвозвратно ушедшей молодости, о вторых – как о неминуемом будущем.

С шурином всё вышло именно так, как я его и предупреждал: не сумев по капле выдавить из себя фраера, мажора шурина, в итоге, нашли с простреленной башкой под химкинским мостом. Родовое гнездо не дождалось своего основателя, и было тут же заселено птицами более низкого полёта – нами. В генеалогическое древо шурина вписали выдающимся учёным, и теперь его семейка по любому случаю предьявляла мне этого дятла эталоном успешности. За семейным столом первый бокал неизменно выпивался за научный талант и золотые руки усопшего сутенёра. При этом тесть единственный хитро улыбался, видимо представляя части тела, которыми зарабатывался каждый кирпич этого дома.

С тестем у нас сохранялся стабильный паритет, – он не лез в мою жизнь, я – не покушался на его. С тещей всё было сложнее – дипломатом она была никаким, зато стряпала отменно. Есть при ней было невыносимо – стоило мне запихать в рот её блинчики с мясом, как она начала сверлить взглядом, и попробуй только одобрительно не улыбаться в этот момент, пантомимой изображая непередаваемый вкус. Пару раз я пытался высказать своё «ша» по этому поводу, но проще убедить волка стать вегетарианцем, чем изменить тещу. А после того, как я в прошлом году, сорвавшись, в шутку назвал её кладом, добавив, осушив рюмку, что место кладу – в земле, в отношении меня она окончательно скурвилась. Да и хрен с ней; в омуте моего бытия и без того исполненного бездонной тоской, лишний килограмм на шее утопающего уже не играет роли.

Маленькой отдушиной моему погибающему Я была небольшая баня в глубине участка, на втором этаже которой мне позволили обустроить свою персональную берлогу. Диван, телевизор, ноутбук и полное одиночество оставались тем, что ещё питало меня остатками кислорода в окончательно заполняющейся удушливой гарью беспросветности жизни. Её четвёртый десяток завершился зудящим ощущением внутренней обосранности. И если обосравшийся малыш поутру имеет шанс быть отмытым заботливыми руками матери, то внутреннее дерьмо заскорузлого мироощущения взрослого человека способен соскоблить разве что Создатель, снизошедший до желания изменить его жизнь. Но ничего за последние пять лет в моей жизни не менялось, однако, сегодня действительно что-то пошло не так!

Глава 2

Ева, подхватив свои шмотки, упорхнула в дом, я же, для приличия дипломатично махнув маячившим за стеклом террасы сонным физиономиям родни, направился к бане.

«-Пусть, этот Уй валит в направлении своему созвучию! – подумал я и вычеркнул его из памяти, – В пакете два литра крафтового пива, два леща, бутылка коньяка, в ноуте три уровня Фоллаута 4, впереди день и целая ночь свободы!»

...Уй сидел на скамейке, расслабленно откинувшись на залитую майским солнцем бревчатую стену бани. Его закрытые глаза с длинными ресницами чуть подрагивали, бледная кожа запрокинутого лица впитывала утренний свет далёкого светила. Я не причислял себя к альтруистам, более того, увязнув в трясине хронического уныния, вызванного личностным кризисом, люди для меня перестали существовать в качестве катализатора моих светлых порывов. Да и светлых порывов, если уж быть честным, во мне осталось на пару чихов. Мрачный и раздражительный по любому поводу, последние годы я изводил Еву, осознавая свою гнусность, и не в силах этому противостоять. Отрадно, что Ева, проявив мудрость, предложила временно дистанцироваться; уныние, по её словам, не менее заразно, чем триппер и способно окончательно обрушить наш семейный союз. Лишаться предсказуемой стабильности нам не хотелось, а потому на даче я жил в бане, а она в доме с родителями, где и планировала провести всё лето.

Завтра я вернусь в Москву, но навигатор моих сегодняшних намерений, благодаря толстяку в плаще, уже уверенно менял маршрут.

– Уй! – нарочито громко, рывкнул я. – Какого ляда ты тут?!

Толстяк подскочил от неожиданности, его распахнутые глаза округлились и внутреннее ощущение ребёнка перед собой, вновь заставило меня испытать неловкость.

– Извините меня, мой друг! – виновато заверещал мультяшный голос, от которого мои губы сами собой расплзлись в улыбке. – Беспомощность собственного положения заставила меня вторгнуться в ваши владения! Признаюсь, я оказался в деликатной ситуации и, боюсь, без вашей помощи мне из неё не выбраться.

Я поставил пакеты на деревянный столик напротив и молча стал выкладывать содержимое. Уй беззвучно наблюдал за моими действиями.

– Ну, тогда за знакомство! – я придвинул к нему на четверть наполненный коньяком стакан. Предвкушение чего-то интересного уже пробудилось у меня внутри.

Толстяк, скорее из вежливости, с плохо скрываемым отвращением, выпил содержимое стакана и уткнулся, втягивая носом, в рукав плаща.

– Ну и говнище это ваше пойло! Никогда не понимал мотивации его потребления...

Глядя на отличный дорогой коньяк, зовущим мочецветным оттенком переливающийся в майских лучах, я с гневом выдал в его адрес:

– Так что же с вами произошло, пан Уй?

– Ах, друг мой, мне не составит сложности просветить вас относительно моей кручины, однако, предполагаемый скепсис с вашей стороны, не даёт мне уверенности в целесообразности дальнейших объяснений...

– Вы хотите сказать, что ваше объяснение изначально настолько неправдоподобно, что поверить в него невозможно? – перебил я. – Так отчего же вам не придумать более убедительную версию?

– Милый вы человек, – его лицо округлилось лубочным солнцем, – попробовал бы Христофор Колумб объяснить туземцам принцип работы порохового ружья, когда пулю невидно (а значит, её как бы и нет), а человек в ста метрах падает как подкошенный!

– А вы попробуйте! Я не туземец, да и вы не Колумб! Зря он, кстати, открыл эту грёбаную Америку!

Уй вынул из кармана плаща скомканную в шар газету и аккуратно развернул её передо мной. Внутри оказалась горстка чего то, напоминающего по форме изюм, но зеленоватого цвета пасты гои.

– Вот попробуйте, – Уй придвинул газету ко мне, – только не более одной штуки!

Я взял изюминку пальцами и поднёс к носу. Так пахнет ночью в натопленной казарме, после долгого марш-броска. Я убрал руку от лица и послевкусие первичного аромата донеслось нотками сушёных грибов с оттенками скисшего молока из далёкого детства.

– Что это?

– О, дон Ган, это то, за что на протяжении всей вашей истории многие из вас продают души! Не бойтесь, мой друг, просто положите в рот!

Я выбрал самую маленькую изюминку и выполнил просьбу, готовый выплюнуть её в ту же секунду. Но этого не потребовалось – приятный вкус тающего шоколада с тмином растёкся по языку.

Внешне ничего не изменилось. Я по-прежнему спокойно сидел на деревянном пенке-табурете напротив добродушно взирающего круглолицего визави. Однако то, что творилось сейчас в моей голове – достовернее всего опишет язык айтишника. Моё внутричерепное железо получило сверхмощный апгрейд, сменив архаичный Celeron на многопроцессорную связку последнего поколения. Новая операционная система восприятия замелькала в разуме калейдоскопом десятка одновременно исполняемых процессов; Каждый из них, как и подобает в многозадачной ОС, просчитывался параллельно, не ущемляя в аппаратных мощностях другие приложения.

Откуда-то вдруг явилась неожиданная идея как в несколько раз увеличить прибыль предприятия, которому я отдал свои крайние пятнадцать лет. Через мгновение она трансформировалась в законченную мысль, простота которой граничила с её гениальностью.

«И как такое, – подумал я, – никому раньше в голову не приходило?»

Пока эта идея обрастала конкретикой, параллельно мой разогнанный мозг просчитывал ситуацию, при которой Алёна, девушка с охуительной (все другие эпитеты в данном случае ничтожны) фигурой, из экономического отдела, мне точно даст! В голове как из рога поэтического изобилия, в который одновременно дули Пушкин, Есенин, все поэты старого света вместе взятые и поэт – символист Фёдор Сологуб, лились изысканные, наполненные трепетом и обезоруживающим смыслом грациозные оборотами речи. И вот уже разум в тончайших и завораживающих подробностях предстал передо мной волнующим видеорядом, превосходящим своею пикантностью суммарные задумки Тинто Брасса. Я физически ощутил трепет покорившегося мне тела, обтянутого коротким чёрным платьем, запах её волос, в которые она вплетает едва осязаемую цветочную магию Lanvin, ставшую моим ароматическим фетишем...

Тут же я перескочил на другую идею, в смысл которой после предыдущей я не желал погружаться, но она касалась хитроумной комбинации ставок на спортивном тотализаторе. Данный расклад сули мне тройной процент вероятности срыва банка... Если бы сейчас передо мной стояло зеркало, то совершенно точно, из него бы на меня взирали брызжущие жизнелюбием и пламенеющие страстью к жизни глаза.

– Дон Ган! – сквозь вязкую пелену прорывается ко мне еле различимый голос Уя.

В этот же момент грохочущим, но не оглушающим эхом в залах моего рассудка гулко разносится «Гаан... Гаан...». И вот Дэйв уже стоит передо мной в нескольких метрах, и я, частью слившегося в экстазе зала выкрикиваю «Рита тач фэйт». Мои слова попадают в ритм, и даже в тональность, мои руки устремлены вверх в пульсирующем гимне животного восторга. Я захлёбываюсь в океане эмоций и единения с разгорячёнными толкающимися телами вокруг.

Кто-то тянет за руку... Из тумана, сквозь звук собственного сорвавшегося в разнос сердца и слепящего мелькания стробоскопов Олимпийского, выплывает лицо пана Уи. Он протягивает мне стакан, и я читаю по губам «Пей!» Содержимое, залитое в глотку, отрезвляющим цунами проносится по берегам разума, унося причалы распутившихся ветвей моих мыслей одним бурлящим потоком щепок в сливное отверстие вечности...

Я открыл глаза и окружающая действительность субботним утром хлестнула меня по щекам. Пан Уи смотрел на меня сардоническим взглядом.

– Что это было?

– Это гриб. – спокойно ответил Уй. – Я же представился вам. Я – грибадир.

– Какой нахуй гриб? Ты меня посадить на галлюциногены решил, дилер хуев? – выругался я.

Уй поднял обе ладони и по его взгляду я понял, что снова сморозил чушь.

– Нет, что вы, что вы! – поспешил объясниться толстяк. – Гриб это вовсе не тот гриб, который вы называете галлюциногенным. Гриб это аббревиатура! Global Router Individual Background (Глобальный Маршрутизатор Индивидуального Фона), – на безупречном английском произнёс он.

– Вот что, дядя Уй, – невежество в голосе не уступало моему знанию английского, – или ты мне сейчас всё понятно объясняешь, или я вламываю тебе пиздюлей и отвожу на то же место, где подобрал, и не факт, что следующему водиле ты встретишься живым!

– Я вам всё сейчас расскажу. Гриб это не наркотик! Проще говоря – стимулятор мозговой деятельности. Ваши наркотики всего лишь раздражают отдельные зоны, а гриб заставляет весь мозг работать более продуктивно. – пан Уи перестал тараторить. – Мозг среднестатистического человека в среднем функционирует на шесть процентов от своих возможностей. И это не случайно. В стрессовой ситуации ваш мозг способен достигнуть отметки в пятнадцать процентов и действовать на уровне реакций и интуиции, например, молниеносно отскочив в сторону от падающего на вас дерева. Во сне ваш мозг задействуется до тридцати процентов, проводя диагностику и восстановление организма. Гриб это вещество, заставляющее мозг работать на тринадцать процентов своей мощности в режиме бодрствования... Вот вы сейчас помните всё, что видели под грибом?

– Да, и на удивление отчётливо! – подтвердил я.

– Вот! А после алкоголя или наркотиков только боль в голове и провалы в памяти!

– А зачем вообще этот гриб нужен? Новая синтетическая дурь для золотой молодёжи?

– Чтобы вам объяснить мне придётся долго рассказывать.

– А вы куда то торопитесь? – с ехидством спросил я.

– Не скрою, мне бы хотелось побыстрее очутиться в Архангельске, – ответил толстяк, – но, в силу сложившихся обстоятельств, осуществить желаемое я не в силах.

– Вот и замечательно! – я открыл бутылку пива и разлил по стаканам. – До ночи ещё далеко, выпивка есть!

«-Как будто у него есть выбор!» – подумал я.

Очевидно, Уй подумал так же.

– Хорошо, мой друг, – сказал он. – Вы знаете, что такое дуализм?

Я утвердительно кивнул.

– Двойственность, если не ошибаюсь?

– Совершенно верно. – воодушевился Уй. – Так вот, парадигма человечества – дуализм. Оставим в стороне дуализм гносеологический и религиозный, возьмём за основу метафизику и этику прикладной, так сказать, двойственности...

Я настороженно сморщил брови, и Уй, смекнув, что более простые термины в моём обществе более уместны, продолжил:

– Человеческое общество живёт в диаметральной модели двухполюсной вселенной. Есть добро и есть зло, жизнь и смерть, горячее и холодное, начало и конец, свет и тьма, будущее и прошлое... Всякий человек в этой системе в каждое мгновение стремится отнести себя к одному из двух полюсов.

– Как дерьмо в проруби, – перебил я, – болтаемся мы то у одного, то у другого берега. А если и заплываем на середину, то всё равно остаёмся на миллиметр, но ближе к какому то краю.

– По сути верно, хотя и в несколько фривольной формулировке. Так вот, – продолжил Уй, – вы добрый человек или злой?

– Я? Ну это, смотря в какой ситуации. Когда то я добрый, когда то я злой...

– Но по большей части, вас швыряет от одного берега к другому в проруби сложившихся обстоятельств. – подытожил Уй, слегка улыбнувшись.

Я улыбнулся ему в ответ, демонстрируя, что не обижен сравнением; в конце концов, про дерьмо я сам и начал.

– Человеческий разум не приемлет баланса полярностей, – продолжил Уй, – Состояние равной удалённости мимолётно и пренебрежительно мало в общем жизненном отрезке единичной особи.

– Согласен. – кивнул я и добавил, – Член либо стоит, либо нет, а промежуточное состояние это всего лишь движение в одну из сторон. Ты наливай, дядя Уй, не стесняйся. К чёрту дуализм, давай про грибы!

Казалось, пан Уи несколько смутился, но скорее показательно, как смущается обладательница стройных ножек, когда озорной ветер на миг задирает её юбку и она ловит на себе восторженные мужские взгляды. По всему было видно, что толстяку приятно, что собеседник хоть и не должным образом, но всё-таки понимает его.

– Извольте, – промолвил он, – хотя и перепрыгиваем между главами, но *comme bon te semble, monsieur* (как вам будет угодно, месье – фр.)!

– Кондом, кондом, – лингвистически саркастично я, зубами расчлняя вяленого леща.

– Всё, что я вам сейчас скажу, уважаемый дон Ган, будет звучать для вашего разума странно и порою непостижимо. Но, надеюсь, действия гриба, которое вы прочувствовали, окажется весомым доказательством истинности моих слов.

Я кивнул. Лещ превосходным маслянистым вкусом дополнял речь незнакомца.

– Полагаю, мой друг, вы, как и все в вашем обществе, уверены в том, что мир развивается по законам эволюции, переплетаясь с религиозно – философскими аспектами, коими затыкаются спорные и малообъяснимые факты.

Я снова кивнул. Пиво, ещё не успев нагреться, вносило весомую отраду в ощущения сегодняшнего дня.

– Однако, всё немного не так, как принято считать на вашем уровне. Кстати, ваш мир в каталожных картах обозначен уровнем «Гэ».

– Гэ? – удивился я. – А почему сразу Гэ?

– Ну как же, милостливый государь, – казалось, Уй чем то оскорбился. – Вся ваша жизнь вертится вокруг дуалистического «Гэ». Взять к примеру слова «Господь» и «говно», – антиномия дуального восприятия, охватывающая полный спектр человеческих эмоций! Господь – всё лучшее, что всплывает у вас в разуме, когда вы слышите это слово, а говно, соответственно, олицетворяет всё худшее. Подобным образом «точка G» и «геенна огненная» являются дуалистическими рубежами восприятия; от крайней степени телесного блаженства, до бесконечности истязания плоти.

– То, что этот мир – одно большое Гэ, я и без тебя за сорок лет понял! – лёгкая степень опьянения, позволила моим словам прозвучать философично, – Если мы на уровне Гэ, то сам ты на каком уровне?

– Я с уровня «К» – k-reators, мы по вашему креаклы-демиурги; ваш уровень – globals, потому и «Гэ». Есть уровень «М» – masters, над ними, говорят, тоже кто-то есть.

– Интересно девки пляшут... уровни, значит! – растягивая слова, произнёс я.

– Именно уровни! Без уровней, признаться, в каталожных картах никак не разобраться – поди определись кто над кем стоит и кем погоняет! – толстяк ухмыльнулся. – Мы с уровня «К» рулим вашим уровнем «Гэ», потому, как ваше Я существует исключительно в плоскости дуализма. Базис сознания уровня «К» – силлогизм, или тройственность по-вашему; равновесие между полюсами есть наша неотъемлемая приоритетная константа, или, если хотите – ментальная изюминка!

– Вот смотрю я на тебя, – мой подбородок опустился на ладонь, – ты или на всю голову ебанут, или инопланетянин! И если бы не гриб, то на основании собственного дуализма, я бы метался между двух полюсов: вломить тебе сейчас, или дать тебе шанс попытаться смотаться за забор и огрести уже там!

Лицо толстяка чуть вытянулось, как вытягивается лицо ребёнка, который надул губы и готов вот – вот пустить слезу из уже заблестевших глаз. И было в этих глазах нечто, подкупающее своей наивностью настолько, что последующие слова сами сорвались с моих губ.

– Вот смотришь ты на меня, дядя Уй, и думаешь, – какие же они все мерзкие и убогие в своих позывах, как тщедушны и мелочны в своих суждениях; одним словом – плюгавенькие потомки Адама... Только и норовят либо побить, либо облапошить ближнего! Ты, думаешь, мне за всё человечество не стыдно? Стыдно, и ещё как стыдно! И весь этот стыд сейчас из меня вон лезет, обтекая тебя вязкой мутной смердящей субстанцией! Смотри, дядя Уй, на меня и не дай тебе Бог, чтобы потомки мои встретились на твоём пути такие же...

– Полноте, полноте, друг мой, ничего такого я себе и в мыслях не допускал! – прервал мой душевный каминг-аут толстяк. Он склонился ко мне и прошептал, – Именно до такого как вы, батенька, у меня как раз интерес и имеется!

Я взгляделся в его искренние, как у наложившего в штаны грудничка глаза, положил ему руку на плечо и произнёс:

– Не держи зла на меня, божий человек, в том, что паскуда я редкостная, – ну так жизнь меня таким сделала. Думаешь легко нам на уровне Гэ, среди сплошного Гэ влачить свою жалкую долю?!

– Я всё понимаю! – он улыбнулся тёплой, всепрощающей улыбкой. – Думаешь на уровне «К» житьё веселее? Если у вас максимум что могут – жизнь отгесетить, то у нас на пару уровней вниз спустят – и прозябай муравьём, или осой какой замшелой весь свой путь заново!

– Дядя Уй, – взмолился я, – расскажи ты мне всё с самого начала, чтобы понятно было! А я, со своей стороны, обещаю впредь на тебя не бычить!

До сих пор не просёк – почему в тот момент я попросил этого чудака ввести меня в курс дела, тем самым навсегда изменив свою жизнь. Отчаяние ли моего тогдашнего обрыдлого существования, ощущение ли своей ничтожности, а может, внутреннее предчувствие грядущей социальной гибели... Не знаю, но точно кто-то, или что-то толкнуло меня на путь познаний, разрывая в тот момент моё естество свербящим любопытством. И если меня спросят – жалею ли я сейчас об этом, отвечу без всякого лукавства – нет, не жалею, ибо несущийся к смерти сгорающий мгновением метеорит куда поэтичнее тысячелетиями катящегося попутными ветрами в вечность камня.

Меланхолично блуждая в лабиринтах самому себе поставленных вопросов, тезисно сводящихся к клише «а ради чего я есть», я подсознательно ожидал того дня, когда, внезапность

перемены озарит мой самоубивающийся разум. Сорок лет предвкушая личностный ребрендинг, сжигая последние литры жизнелюбия, мне удалось дожидаться желанного перерождения. Подобно визуальному постоянству, при полной смене смысла от переноса ударения в слове «пиздить», моё представление о мире претерпело не менее радикальную трансформацию. Но, обо всём по порядку.

Глава 3

Пан Уи излагал неспешно, отыскивая для необъяснимого человеческим языком привычные моему уху слова. Я слушал, не перебивая, изредка подливая себе уже тёплое пиво. Несмотря на расслабляющую пелену опьянения, каждое слово рассказчика складывалось в моей голове в растущую внутреннюю лестницу удивления, ведущую, как мне казалось, к просветлению.

– Мир уровня «Гэ», – струился мультяшный голос толстяка, – всего лишь один из уровней цикличной модели диапазоновых замкнутых систем, причём более высшая система замкнута на более низшую. К примеру, система уровня «Гэ» (мир людей) замкнута на систему уровня «Б» bio (мир флоры и фауны). Соответственно, без низшего уровня, следующий за ним уровень немислим, ибо лишён ресурсов существования. И если комфорт уровня «Гэ» определяется состоянием уровня «Б», то мой уровень «К» полностью зависит от благополучия вашего уровня «Гэ».

– Понятно, – развёл руками, пан Уи, – что берёт от уровня «bios» уровень «globals», а вот от уровня «Гэ» уровень плазменных полей «creators», как ни странно это прозвучит, берёт ваши эмоции. Мы, креаклы-демиурги, питаемся ими, подобно тому, как более высокий уровень «М» уминает гармонические производные наших вибраций. Если население уровня «Гэ» исчисляется миллиардами, то обитателей уровня «К» несколько миллионов, соответственно, на уровне «М» – несколько тысяч. Говорят, есть более высокие уровни, но никто толком о них ничего не знает и все гипотезы в их сторону были официально запрещены ещё при богобрщице Несравненной Мики Цунаге.

Произнося это ничего не значащее для меня имя, пан Уи презрительно сплюнул. Получилось не по пацански и он, сконфуженно утеревшись рукавом плаща, продолжил:

– Вообще, верхний уровень может влиять на все, что ниже. Если представить весь существующий диапазон «vivamus formas» (живые формы – лат.) линейкой в метр длиной, то человек всеми его органами чувств, способен воспринимать всего один его сантиметр. При этом остальные миры существуют в это же самое время в этом же самом месте, фактически не пересекаясь друг с другом.

– То есть твой мир уровня «К», – влезло в моё любопытство, – живёт на этой планете, просто в ином, не доступном человеку диапазоне?

– Точно так! – пан Уй многозначительно поднял указательный палец. – Вообще то, уровни делятся на подуровни, например цивилизация вот этих муравьёв (его толстый палец указал на гипотетического муравья под столом) имеет каталожное обозначение «B-AGI24A4», что означает: уровень bios, подуровень animals, класс ground, вид insect, цивилизация 24, группа осознанности A4. Соглашусь, звучит заумно, но тем не менее...

– Слушай, – не сдержался я, – а в вашем мире разумные существа, вроде тебя, все такие низкорослые и плюгавые? Отчего мне встретился именно ты, а не, скажем, пышногрудая стройная фемина?

Мой вопрос заставил Уя рассмеяться. Смех его напоминал смех гиены, поднятый по частоте где-то на октаву.

– Да я бы с радостью принял облик блондинки, да только не всё так просто, – толстяк перестал смеяться. – У нас вообще нет физической оболочки, уровень «К» полевой. Вот если бы ты видел ауру человека, ты бы понял, о чём я. И вообще, попасть в оболочку вашего уровня нам чрезвычайно затруднительно. Например, это плюгавое, как ты выразился тело, я ждал полдекады, а это пятьдесят лет по-вашему между прочим!

Пан Уй, похлопал ладонями по своим, выглядевшим пухлыми даже под плащом, бёдрам:

– Просто взять и вселиться в человеческое тело мы не можем, по Конвенции Пятой Декады запрещено под страхом вечного слива. Покуда так называемая вами душа к телу прикреплена – тело занято. А без души ваши телеса уже ни на что не годны, разве что на корм низшим уровням. Так вот вся трудность в том, чтобы найти такое тело, от которого душа уже откреплена, но ещё числится за данной оболочкой, и все системы с органами исправно функционируют при этом. Как у коматозников, например!

– Выходит, я сейчас бухаю с бывшим коматозником – пиндосом? – съехидничал я.

– Ну, судя по всему, – Уй посмотрел на выпрямленные не достающие до земли ноги в домашних тапочках с американским флагом, – вы правы, дон Ган!

– Да никакой я не дон Ган, – это обращение к себе уже успело меня утомить, – пошутил я тогда в машине, не так меня зовут...

– Да мне нет никакой разницы, как вас называть, – смущённо промолвил толстяк, – поймите, идентификационные формы весьма условны...

– Да мне, собственно, тоже по барабану! – согласился я. – А почему ты пан Уи?

– Ну это долгая и давняя история, – толстяк, словно ждал этого вопроса, во всяком случае мне так показалось по пафосу, в слетевших с его губ словах.

– Это ещё до Конвенции Второй Декады династии богоборцев было. Тогда элита уровня «М» совсем безбашенная была, какого беспредела только по уровням ниже не творила. Модным развлечением считалось – смотаться в исток уровня «ГЭ», во времена цивилизационного рефреша и дать, pardon, пизды Адаму. Пинают его ногой в промежность, а он корчится и скачет от боли, да всё только мычит, в муках сплетая звуки в слова; так, говорят, за пару лет идиш и появился.

Пан Уи неосознанно сжался, видимо, представив на себе всё варварство процесса.

– Так вот, пращур мой по отцовской линии, этой забаве и предался, да только не знал, что ранее Уполномоченные по Делах Невмешательства от фракции указотворцев закон протолкнули, запрещающий причинять боль и иные телесные страдания одушевлённым низших уровней. В общем, прокуритет опустил пращура до уровня «К» в команду тогдашних лузеров, курировавших галлов на уровне «ГЭ» – оттого погнало Ош к нашему роду и прилипло. А паном прозвали, в честь первого набега его команды на вотчину лужицких (команды, рулящей древними поляками). С тех пор всех в команде галлов-французов по нашей линии панами Уи и называют. А после мой отец вовсе в вольные грибадиры подался...

– Постой, постой, – осадил я, – про игроков не понял, у вас что там, командные состязания?

– Ну, типа того! – толстяк на миг замолчал, а после посмотрел мне в глаза. – Вот в чём смысл человеческой жизни?

Я пожал плечами.

– А вот смысл жизни креаклов-демиургов в командном духе и соперничестве. Живём, так сказать, чисто на интерес, кто кого тактикой и креативом уделает! – Уй потёр пальцы, задумчиво вскинув глаза в небо; возможно он подбирал нужные слова, или пытался что то вспомнить.

– Есть у вас такая игра компьютерная «Цивилизация», кажется, называется. Так вот жизнь уровня «К» – это и есть игра в цивилизацию, только играем мы историей вашего уровня. Всё наше население поделено на команды извечных соперников. Одна команда рулит французами, другая испанцами; есть аутсайдеры типа гондурасников, а есть воротилы англо-саксонской коалиции.

– Хрена себе, игрища! – не сдержался я, – выходит, вы нами как в куклы играете, стравливаете страны, народы, войны всякие там устраиваете... А наши философы тысячи лет причину человеческой агрессии в нас самих пытаются отыскать!?

– Нет, нет, друг мой, – возразил пан Уй, – войны вы сами устраиваете, мы всего лишь контролируем и направляем властную верхушку каждого государства.

Толстяк снял шляпу и положил её рядом на лавку.

– Когда то давно, ещё до эры богоборцев, наши предки уровня «К» начинали новый кон игры простейшими одноклеточными уровня «Гэ». Суть состояла в стремлении к эволюционному превосходству одной команды над другими, в условиях возможностей конкретной планетарной привязки. Игра сводилась к катализационному соперничеству, когда предки современных грибадиров, используя различные вещества, стимулировали мозг земных обитателей своих команд. Так доигрались до динозавров. Ранний свод правил запрещал катализ агрессии, позволяя стимуляцию только адаптационных направлений мозговой деятельности. Но всегда появляется кто-то, кому плевать на правила; одна из команд тайно вывела плотоядных динозавров. Естественно началась неразбериха, Священный Суд предков опустил всю проштрафившуюся команду на уровень, так они и сгнули в мезозое. Однако игра потеряла спортивный характер и обрела форму войны между командами, по сути, сделав их врагами, а уровень «Б» бесконечным аттракционом выживания. – пан Уи опустил глаза и с сожалением выдохнул.

Я подлил пива.

– Цивилизацию динозавров пришлось обнулить, команды расформировать, как говорят у вас – свернуть финансирование... А после кому-то пришла идея начать всё с нуля – генерация опорного разума уровня «Гэ», наделённого задатками интеллекта в лице первого человека – Адама. Так появился человек разумный и верховники прежних команд совместно стали продумывать концепт вашего будущего.

– А что, других дел на вашем уровне нет, кроме как над нашим экспериментировать? – резонно, как мне показалось, подметил я.

Уй посмотрел на меня как на туповатого, но крепкого физически подростка:

– Как нет у вас дел важнее, чем выживать, так нет у нас ничего более необходимого и первостепенного, чем соперничество! Ваш уровень, между прочим, и создавался как игровой полигон, вы наша био-лаборатория многообразия мыслящих жизнеформ.

Я понимающе кивнул.

– После того, как наши предки пришли к согласию, относительно форм-фактора человека, вас разделили на мужчин и женщин. А дабы игроки каждой команды имели свои идентификационные особенности, человечество поделили на дюжину рас. Вскоре определилась четвёрка команд-лидеров: европеоиды, монголоиды, австралоиды и негроиды. Остальные расы проигрывали им по большинству параметров, а члены их команд втихаря перетекали к более успешным конкурентам. В результате внутри команд началось деление рас на народы. Мой предок, как я уже и говорил, оказался в команде европеоидов галльской группы. Со временем одни группы, начали конфликтовать с другими и требовать признания их отдельными командами... Честно сказать не знаю какой бы беспредел тогда наступил, если бы не спуск Диктатора с уровня «М». Он тогда навёл шороху, обозначив новые правила игры. Так наступила эра богоборцев. До этого Бога у человечества не было, вернее был сонм его прототипов. Но, приказ есть приказ, и всякая независимая команда была обязана наделить своих юнитов «функцией Бога» – незыблемостью веры в существование того, по чьей воле сплетаются перипетии человеческих судеб. Некоторые команды дошли до того, что отдельные божественные сути были присвоены земным стихиям, её законам, и даже человеческим органам...

– Слышал такое, – вставил я, – Приап с огромным членом, бог плодородия, если не ошибаюсь!

– Вот – вот, – кивнул Уй, – так наступила эра богоборцев и всякая команда кроме модели своего внутреннего развития стала навязывать другим и своих богов. И вот тут снова начались войны.

– А каким образом вы, креаклы, управляете человечеством?

– Через грибадиров, – улыбка на устах пана Уи проанонсировала предстоящую, самую приятную для рассказчика часть истории.

– Грибадиры – это вольные гриботворцы, элита уровня, не побоюсь этого слова! Хороших грибадиров – не более полустони, а лучшие из них, – пан Уи как бы невзначай ткнул большим пальцем себя в грудь, – всегда при делах и востребованы всеми командами разом!

Он сделал паузу, во время которой я как раз нарезал колбасу неровными, но аппетитно толстыми кружками. Взяв один кружок, пан Уи отправил его в рот.

– Говно ваша колбаса, – чуть помяв её во рту, заключил он.

В небе появились тяжёлые, гематомного цвета облака, беспардонно теснящие блаженное томление субботнего роздыха.

– Гриб, как я упоминал ранее, стимулирует отдельные участки мозга, – Уй не без отвращения проглотил колбасу.

– Каждый грибадир хранит секрет формулы своего продукта, посвящая работе над ней всю свою жизнь. Если ты спросишь меня о составе гриба, то знай, что интересоваться об этом у грибадира, всё равно, что спрашивать монашку о размере её бюста, – в благопристойном обществе определённно недопустимо и даже пошло!

– Обещаю, пан Уи, что ни при каких обстоятельствах не буду клянуть формулу твоих грибов! – поспешил успокоить его я.

– Превосходно! – казалось, пан Уи это от меня и желал услышать. – Так вот, в любом обществе, или иной группе особей, обладающих разумом, всегда находится лидер или вожак. Ему в пищу подспудно подмешивается гриб, делают это граберы (компиляторы по-вашему), при этом мастера момента – бэккеры, создают на первый взгляд случайную обстановку, являющуюся на самом деле ни чем иным, как составной частью предстоящего мозгового апрейда. Например, контент из лежащих рядом острого камня, палки и лозы, сподвиг особь, употребившую в этот момент гриб, создать первый каменный топор...

– Постой, – воскликнул я, – только не говори мне, что все изобретения человечества подкинуты вами!

– Ну не все конечно, – усмехнулся грибадир, – колоть черепа собратьев этим топором – придумка исключительно ваша! А все научные и технические открытия – наших рук дело. Менделеву, думаешь, просто так с бухты-барихты таблица во сне явилась? Нет конечно! Его наши бэккеры и планеры вели всю жизнь к этому «открытию», дабы влить в общий план онтогенеза славян ложку стратегического превосходства.

Всё, что я смог выразить в тот момент, относительно услышанного, слетело с моих губ презрительной фонемой «прррр», коей извозчики на Руси исстари останавливали лошадь. Толстяк даже не притормозил.

– Двигать общность людей вперёд по культурно-технологической лестнице эволюции, – продолжил он, – скажу я вам, дело в высшей степени многосложное и затратное, ибо влечёт за собой огромные временные и умственные потуги каждого участника команды!

– И что, на протяжении всей человеческой истории, всякий лидер, начиная от вождя племени, заканчивая президентом страны, плотно сидит на грибе? – внезапно озарило меня.

– Не всегда, но в большинстве случаев. – задумчиво произнёс Уй. – Но политики первого эшелона, передовые учёные, верхушка религиозных культов и деятелей культуры, несомненно, в числе стимулируемых.

– То есть, все они знают о существовании вашей фантастической организации уровней миров?

– Не все, но в большинстве своём...

– И неужели, за тысячи лет никто из них не проболтался остальным о вас, о грибах?...

– Конечно болтали, – перебил Уй, – но сам догадайся, расскажи ты кому про всё, что ты сейчас услышал, где ты окажешься? В лучшем случае в психушке, а в худшем – тебя наши консумеры зачистят. Тело твоё найдут с остановившимся сердцем, или сбитым на дороге... В средние века тебя бы на костре сожгли, а ещё раньше – в жертву богам принесли, а череп твой отполировали и на полку поставили... Прельщает вас такая перспектива, мой друг? – пан Уи засмеялся, с прищуром наблюдая за моей мимикой.

Мимика на моём лице сползла в сторону изумлённой задумчивости, которая выплеснулась неожиданным для визави вопросом:

– Если гриб действует на всех одинаково, то зачем столько грибадиров с индивидуальными составами гриба?

Вопрос, на мгновение, озадачил грибадира шестой Декады. Он задумчиво поводит сморщенными губами, подобно старлетке, прикидывающей предполагаемые ништяки от возможного соития со вторым режиссёром.

– Понимаете, дон Ган, – отыскивая в своём вокабулярии сообразные слова, произнёс Уй, – Я вас посветил лишь в самую малость тайны концепта взаимодействий уровней.

Тут он внезапно замолк, загадочно теребя мочку уха.

– Обстоятельства складываются таким образом, что без вашей помощи мне, по всей видимости, не обойтись. Я вынужден просить вас, дон Ган, содействия в осуществлении моих планов. Разумеется на взаимовыгодной основе!

Весна, внезапным раскатом грома последнего майского дня, оповестила о своей кончине. Небесные плакальщики слёзно затянули проливной отпевальный реквием. Извивающиеся стрелы небесной скорби, вспышками рвущие простыню стусившегося мрака, окончательно лишили остаток дня блаженной праздности.

Глава 4

Сидя на деревянной лавке предбанника, взирая на дождь сквозь манящие остатки коньяка, я вдруг осознал простую, но восхитительную мысль. Передо мной сидел человек, обладающий по нашим меркам возможностями Бога, но при этом расписавшийся в собственной беспомощности; и этот человек, вот так запросто скачущий между мирами и в игрищах вершащий судьбами человечества, взывает о моей помощи! О помощи простого смертного, безликого юнита команды славян, ну или какая там из их команд рулит русским миром?! Я посмотрел на пана Уи. Он задумчиво смотрел сквозь дождь, печальными с шукшинским прищуром глазами.

– Не понимаю, как меня угораздило оказаться здесь, – изрёк он, – из коматозной палаты Кэлвари Хоспитал в Бронксе я должен был переместиться в Архангельск. А теперь я застрял здесь, в тысяче километров от цели...

Гость в плаще выглядел подавленным даже на фоне меня, человека, с погасшим взглядом, имитирующего жизнь по инерции, в спасительном ожидании её финала. Моя рука как то сама собой оказалась на его плече:

– Хотя мы и из разных миров, но сидим в одной безвылазной заднице; не знаю каким образом, но я к вашим услугам, гер грибадир!

Моя улыбка, отразившись в его глазах, вернулась ко мне тёплым ощущением своей нужности. В шумной компании барабнящего ливня мы расправились со всем алкоголем и закуской. И обстоятельства, и раскрасневшиеся сусала собутельника, и, в особенности, моя распоясавшаяся во хмелю пытливость, как нельзя располагали к разговорам. Но вопреки всему, мы просто молчали, и нам было хорошо от неведь каким образом возникшего самоощущения взаимного чувства локтя и мужской солидарности.

Промокший пьяный вечер клонил ко сну. Я принёс из машины и надул матрас, постелив уставшему от перипетий угасшего дня гостю на широкой лавке в парной. Пожелав спокойной ночи и, указав направление сортира, я поднялся на второй этаж и завалился на диван.

Утро выдалось солнечным; этой жизни ещё удавалось меня чем-то радовать, – жужжанием шмеля и щебетом птах, заполняющими пробуждающийся разум, приветливыми пятнами солнца, шкодливо скользящими по лицу, повинуюсь движению веток в распахнутом первом дню лета окне...

Потянувшись, я спустился вниз. Пан Уи сидел за ещё не просохшим столом, с книгой перед собой. Его заинтересованное лицо заставило меня подойти и полюбопытствовать предметом его изучения. Извинившись, я взял книгу в руки. На твёрдой обложке мышинового цвета золотистыми буквами было вытиснено:

КАК РАСТИТЬ СВИНЕЙ

Руководство начинающего свиновода
Лениздат – 1957год.

– Забавная, однако, литература, – промолвил Уи, – вроде про свиней написано, а всё как в наших учебниках по геймалистике! – И тут же, предвидя мой вопрос, добавил, – Геймалистика это генеральный свод правил по ведению игр в нижних уровнях.

Совершенно точно, эту книгу толстяк раскопал в сортире, среди заросшей паутиной стопки литературной продукции далёкого СССР. Сколько себя помню, они всегда лежали в отхожем месте и я даже пытался как-то, одержимый то ли желанием культурного роста, то ли внезапным приступом библиофилии, начать их изучение. Однако, своё знакомство с литературным наследием прошлого я закончил на десятой странице первой попавшейся книги –

кажется, это был Толстой. Страницы, отпечатанные на грубой бумаге, соответствовали фамилии автора и не пришлись по душе ни моему разуму, ни моей заднице. С тех пор прошло много лет, а книги так никто и не трогал; Честно говоря, на книги я не обращал внимания ни в нужнике, ни в остальном, окружающем его пространстве моей жизни.

Покинув толстяка, увлечённого свиноводством, я ушёл в дом, где положил на поднос тарелку с ещё горячими оладьями, сметану, пол батона и графин с киселём. Оставив на кухонном столе три сторублёвки, вернулся к бане. Мы принялись трапезничать.

– А всё же, – сказал я, – не верю, чтобы кто-то из ваших за тысячи лет не проболтался кому-то из наших по-крупному, про всю эту игро-уровневую херь!

– Нет, ну было, конечно, но это карается очень жёстко и за последние пару тысяч лет я такого прокола не помню. Крайний раз утечку допустили ещё при правлении Свята Годуха. Планер из семитской команды, перебрав местного вина, слил тогда часть официальных планов дикарям. Часть касалась ликвидации вашей цивилизации, в случае входа игры в логический тупик или в другой форсмажор. После в вашем мире эта информация, хотя и в извращённом виде, всплыла под названием Апокалипсис, в книге Ёхана Богослова.

– Так всё в Апокалипсисе правда и действительно состоится второе пришествие с судным днём? – я на секунду перестал жевать и капля сметаны, сорвавшаяся с моих губ, унесла в землю остатки моей надежды на фикцию библейской ахинеи.

– Да нет, конечно, – Уй улыбнулся и крошки батона полетели вслед моей надежде, – то ли нашего болтуна понесло, то ли ваш Ёхан был под кайфом, но никаких всадников не будет и уж второго пришествия тем более. Всё ограничится процессом, напоминающим уничтожение тараканов дихлофосом.

– Я, значит, вашего брата хлебом-солью, ночлегом встречаю, а вы вот так запросто нас дихлофосом как тараканов?

– Ну да, – без тени смущения ответил Уй, – а чем вы, собственно отличаетесь от тараканов? У нас, кстати, на цивилизациях насекомых новобранцы тренируются. Навыки манипуляции отрабатывают и логистику постигают.

– Как чем отличаемся? Разве у тараканов есть мозги, разве могут они подчинять себе окружающую действительность так же эффективно как человек?

– У всех есть мозги, – толстяк, попытался отыскать взглядом в качестве примера кого – то, мелкого и безмозглого с моей точки зрения, но не найдя, остановил взгляд на мне.

– И человек и таракан существуют в парадигме дуализма; и вы и они мечетесь между полюсами голода и сытости, комфорта и дискомфорта. Разница между вами несущественна – если у таракана всего пара-тройка алгоритмов действия, то у вас их тысячи. Соответственно, просчитать вас чуть сложнее, но интереснее. Вот и вся разница. А в остальном вы вообще идентичны, – рождаетесь, взрослеете, размножаетесь, умираете.

– А на вашем уровне всё не так? – я попытался уязвить собеседника. – Вы же тоже рождаетесь, жрёте, трахаетесь идохнете?

– Идеино, конечно так, но в несколько иной концепции претворения... – толстяк, было, кинулся в разъяснение, но звонок моего мобильного охладил его пыл.

Голос начальства, орущего тебе в ухо, о том, что ты идиот, способен вогнать даже крепкого с виду мужчину, вроде меня, в ничтожность величины динамика, сквозь который извергается этот поток унижений. Выслушав вышестоящее по социальной иерархии неприятное во всех отношениях лицо, я заверил оного в том, что нужные документы буду подготовлены к утру понедельника.

Моя физиономия в этот момент отражала всю ничтожность самоощущения и одновременную беспомощность. Заметив это, грибадир произнёс:

– Как у вас говорят... я начальник- ты дурак, ты начальник – я дурак? Второй аспект коммунистического дуализма Маркса по этому поводу гласит: *при переходе от классовых фор-*

маций к коммунизму мы обнаруживаем, что вырвались из царства необходимости в царство свободы.

– Нет никакого коммунизма, нет никакой свободы! – праведная желчь в голосе с нотками зарождающегося протеста звучала в каждом моём слове. – Есть загнанное в стойло стадо, которое кучка сильных мира сего доит всё активнее! Жили в социальном государстве, с заботой о человеке, бесплатно квартиры получали, медицина, обучение, путёвки... начальство тогда на вы к простому работяге обращалось, а зарвавшихся – к стенке ставили! Хоть какие-то порядок и социальное равенство было! А теперь у людей в головах одна жажда денег и непротивление неравенству субординаций. Одни миллиардами воруют, а другие от зарплаты до зарплаты еле дотягивают! При этом у нас сорок процентов всех мировых природных богатств на два процента населения планеты. Казалось бы, живи себе припеваючи, ан нет, – вчера бензин снова вырос и уже дороже, чем в странах, покупающих у нас нефть! Правильно вы наш уровень назвали, Гэ оно и есть Гэ, как в воду глядели!

– *Vanitas vanitatum et omnia vanitas* (Суета сует, всё – суета. —лат), – позёвывая, произнёс толстяк всё в том же размякшем настроении мяукающего любимца семьи, сморённого послеобеденной ленью. – На нашем уровне нет социального неравенства, потому как нет и социума. Есть поля доступности, обобществлённые Конвенцией, и ими у нас пользуются все. Силлогизм не позволяет скатиться до банальной градаций личностей...

– Ладно, извини за нытьё, но ей Богу, достало, – я прикоснулся рогаткой из указательного и среднего пальца к своему кадыку, – вот уже где вся эта поганая жизнь сидит!

А ещё через секунду я вспомнил о гениальной идее, посетившей меня под действием гриба.

– Бля буду, если не выжму из этого мешок преференций и прочих ништяков! – эвристически воскликнул я. – Ну, что, пан Уи, мне пора в Москву и как порядочный человек, обещаю вам помочь добраться до Архангельска! Конечно, при условии, что вы сейчас едете со мной.

– С удовольствием! – радостно отозвался Уй, – Прошу не отказать в любезности пожаловать мне эту восхитительную книгу, в качестве памяти о нашем знакомстве. Естественно, если для вас просьба сия окажется необременительной!

– Да забирай хоть всю сральную библиотеку, мне до фени, – ответил я, заталкивая мусор в чёрный полиэтиленовый мешок. – Через пять минут выезжаем!

Выехали через семь. Две минуты ушло на формальность прощания с Евой; всё-таки супружество, кто бы что ни говорил, отнимает время! Ехали неспешно, молча, с опущенными стёклами, втягивая лёгкими умиротворение хвойного леса. Километра через три нас остановил бородатый мужичок вида обитателя грушинских богем. Растянутый свитер, потёртые штаны цвета хаки, кеды, потерявшие белизну ещё в до аллопугачёвскую эпоху, выцветший брезентовый рюкзак за плечами... Завидев нас, он поднял руку.

Признаться, я редко беру пассажиров, Еву выводит из себя одна только мысль о чужой грязной заднице, трушей обивку нашего салона. Мне приходится быть крайне разборчивым, когда хочется сшибить лишние три сотни, или потешить визуальную составляющую своего либидо, подвозя длинноногую няшку в мини. Голосующий впереди няшным не был, как не был и отчётливым представителем презираемого мною сословия социальных опущенцев – бомжей. Я притормозил и предложил мужику за сотку подбросить до остановки на трассе. Попутчик, блаженно улыбаясь, уселся назад, за спиной грибадира, возложив рюкзак на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.